

тутъ отличать вульгаризмы самого писателя отъ ошибокъ писцовъ. Воззрѣнія, высказанныя относительно этого Рейнгольдомъ, которыя согласуются и съ мнѣніемъ Бласса (стр. 7,2), вполне достойны одобренія, и было бы желательно, если издатели византійскихъ такого рода текстовъ вездѣ руководствовались бы изложенными Рейнгольдомъ принципами — въ пользу опрятности издаваемыхъ ими текстовъ.

Э. Курцъ.

Г. Рига.

Alb. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beiträge zur Geschichte und Beurteilung der Κοινή. Strassburg. 1901. 275 стр. 8°.

Книга, заглавіе коей нами выписано, представляетъ серьезный шагъ впередъ въ изученіи вопроса, не только въ высшей степени важнаго въ исторіи греческаго языка, но имѣющаго также существенное значеніе въ исторіи распространенія еллинской культуры по всему цивилизованному міру съ эпохи завоеваній Александра Вел., потому что, по справедливому замѣчанію автора (S. 107), въ числѣ факторовъ народной психологіи языкъ является однимъ изъ важнѣйшихъ мѣрилъ внутренней силы культуры и націи.

Тотъ восьмивѣковой періодъ, который авторъ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, опредѣляетъ, какъ періодъ развитія κοινής въ его характерныхъ чертахъ, періодъ отъ 300-го года до Р. X. приблизительно до 500-го года по Р. X., является особенно многозначительнымъ въ исторіи эволюціи греческаго языка, приводящей къ той его фазѣ, какую мы опредѣляемъ названіемъ новогреческаго.

Исторія этого періода стала возможна лишь въ самое послѣднее время, когда къ матеріалу эпиграфическому присоединился богатѣйшій языковой матеріалъ папирусовъ еллинистической эпохи. Языкъ папирусовъ бросилъ яркій свѣтъ на процессъ преобразованія языка. Въ особенности важно было, что языкъ перевода 70-ти и языкъ авторовъ Новаго Завета получилъ теперь свое мѣсто въ общей исторіи еллинистическаго языка и что мѣражъ какого-то особаго отъ живого языка книжнаго языка Священной письменности, гдѣ признавалось въ широкихъ размѣрахъ вліяніе иностранныхъ языковъ (еврейскаго, латинскаго), разсѣялся предъ лицомъ фактовъ, содержащихся въ надписяхъ и папирусахъ.

Какъ послѣдняя стадія развитія, новогреческій языкъ съ его діалектами, возникшими уже на почвѣ κοινής, послѣ того какъ діалекты древнегреческаго языка, за однимъ исключеніемъ (законскій діалектъ въ горахъ древней Лаконіи), были смыты почти безъ слѣда всепоглощающимъ потокомъ мірового языка, еще отражаетъ въ себѣ тѣ процессы въ области фонетики и морфологіи, какіе совершались въ упомянутой періодъ.

Вотъ въ виду этого послѣдняго обстоятельства нельзя не порадоваться, что за рѣшеніе проблемы первостепенной важности въ исторіи

греческаго языка, сущности и образованія *κοινῆς*, взялось лице, столь основательно знакомое съ новогреческимъ языкомъ, изучавшее на мѣстѣ его разнообразныя діалекты (срв. указанія на это и въ данной книгѣ, напр., S. 19, S. 21 fg. S. 90, S. 190, S. 192 и т. под.), какъ Альбертъ Тумбъ, авторъ превосходной научной грамматики новогреческаго языка, съ подборомъ діалектическихъ текстовъ (*Handbuch der neugriech. Volkssprache, Grammatik, Texte, Glossar.* Strassburg. 1895). Еще одно качество автора, какъ ученаго, особенно неоцѣнимое тамъ, гдѣ дѣло касается вопросовъ, можно сказать, *χρῆς καὶ πρῶτην* поставленныхъ на научную почву, слѣдуетъ отмѣтить здѣсь — чрезвычайную осторожность его въ выводахъ и аргументаціи. Не станемъ уже говорить о томъ, что новая книга, посвященная вопросу о *κοινῆ*, является, въ своихъ примѣчаніяхъ, богатѣйшимъ указателемъ для всѣхъ, интересующихся новѣйшими успѣхами изученія греческаго языка еллинистической эпохи.

Переходимъ къ обзору содержанія книги по главамъ. — *Первая глава. Понятіе и объемъ κοινῆς. Общіе вопросы о методѣ.* Авторъ такъ опредѣляетъ отношеніе *κοινῆς* къ новогреческому. Въ періодъ съ 300 г. до Р. Х. приблизительно до 500-го г. по Р. Х. совершилось фонетическое преобразование языка, которое характеризуется итацизмомъ, монофтонгизаціей и уравниемъ ударенія и количества ¹⁾. Къ 500 г. по Р. Хр. преобразование это въ существенныхъ чертахъ закончено и образуетъ ту основу, на которой только и стала развиваться ясная дифференціація новыхъ діалектовъ (срв. Thumb, *Neugr. Spr.*, S. 10 fg.). Вслѣдъ за большинствомъ изслѣдователей (Sturz, еще въ 1808 г.; G. Meyer, Hatzidakis, *Einleitung in die neugriech. Grammatik*, W. Schmid. *Attic.* IV Bd.; послѣдній, впрочемъ, точнѣе отличаетъ литературный *κοινῆ*, высокій и низкій штиль), Thumb опредѣляетъ *κοινῆν*, какъ все развитіе греческаго *разговорнаго* языка съ Александра В. до исхода классической древности. Литературный языкъ, за каковой признавалъ *κοινῆν* Крумбахеръ и Iannaris (*Hist. Greek Grammar*), противопоставляя условный, общепринятый литературный языкъ живому народному (или еллинистическому вульгарному языку), только отпрыскъ разговорнаго, говоритъ Thumb: различныя формы еллинистическаго литературнаго языка, отъ Полибія до Новаго Завѣта, отъ канцелярскихъ надписей до дѣтскаго письменнаго стиля мальчика Θεона (Blass, *Hermes* XXXIV, 312 ff.), суть въ концѣ концовъ не что другое, какъ постоянный компромиссъ между разговорнымъ языкомъ и старой письменной традиціей, *между жизнью и школой* (срв. къ этому Schweizer, *Gramm. d. pergamen. Inschr.*, W. Schmid. *Gött. gel. Anz.* 1895, S. 32, *Attic.* IV 730 f.). Сами аттицисты, которые стремятся направить греческій литературный языкъ въ колею классическаго аттическаго, не въ состояніи были, не смотря на всѣ усилія, преобразовать свое чутье

1) О сущности этого явленія срв. прекрасное разъясненіе у Dieterich'a, *Untersuch. z. Gesch. d. griech. Sprache.* Lpg. 1898 (*Byzant. Archiv.* 1 Heft).

языка и писать чисто аттическимъ языкомъ, такъ что и они по временамъ косвенно являются свидѣтелями развитія разговорнаго языка.

Переходя къ критикѣ текста литературныхъ памятниковъ эпохи *κοινῆς*, авторъ указываетъ печальныя послѣдствія пренебреженія его изученіемъ у голландскихъ издателей Полибія. При смѣшанномъ характерѣ всѣхъ памятниковъ *κοινῆς* (аттицистическія стремленія наблюдаются и въ произведеніяхъ ранней христіанской литературы, не смотря на то, что они примыкаютъ вообще къ языку Новаго Завѣта, см. Reinhold, De graecitate patrum apostolic. Diss. Halens. XIV 1898, и даже у нѣкоторыхъ авторовъ Новаго Завѣта) требуется большой тактъ, чтобы установить языкъ автора, въ противоположность часто пестрой, болѣе или менѣе вульгарной рукописной традиціи. Опасность преувеличенія грозитъ въ обоихъ направленіяхъ, не только приближенія къ аттическому, но и вульгарному: если рукописное преданіе, напр., древне христіанской апокрифической литературы, указываетъ языковыя различія, болѣе слабое или болѣе сильное выступленіе вульгарныхъ формъ, то одинаково допустима мысль, что это преданіе помрачено, извращено въ архаистическомъ направленіи какъ и мысль о вульгаризаціи. Вполнѣ заслуживаетъ одобренія при изданіи текстовъ посредствующая точка зрѣнія, за какую высказывается, напр., Рейнгольдъ. Неопровержимымъ нужно признать то его правило критики текста, что болѣе древнія (аттическія) формы, если онѣ являются въ рукописяхъ съ сильной вульгарной окраской, должны быть приписаны автору. Новогреческій помогаетъ устранять такія формы, которыя никогда не могли существовать, и представляютъ дѣйствительное извращеніе текста переписчикомъ (напр. *εὐρίσχει, βούλα* въ Acta s. Thomae).

Знаніе новогреческаго языка безусловно необходимо при критикѣ текстовъ *κοινῆς*. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо взвѣшивать вопросъ, не могла ли быть форма, не находящая себѣ опоры въ новогреческомъ образованіемъ, дѣйствительно созданнымъ въ живомъ языкѣ, но потомъ исчезнувшимъ опять (это «переходныя формы» Dieterich'a). Напр., форма *ἔδεικνυσε* въ текстѣ пс.-Каллисоена у Рейнгольда 96: въ новогреческомъ *δείχνω, ζώνω*, а ор. *ἔδειξα*. такъ что *ἔδεικνυσεν* въ новогреческомъ не имѣетъ опоры. Но аналогіи другихъ подобныхъ образованій въ новогреческомъ (*τοῦ δεικνυθέντος* вм. *δειχθέντος*) подкрѣпляютъ и форму *ἔδεικνυσεν*. Такъ, формы *οὐθαίς, μηθαίς* появляются только со времени IV-го в. и сильно распространяются еще до начала нашей эры, но потомъ постепенно исчезаютъ изъ употребленія (въ новогреческомъ нѣтъ и слѣда ихъ). Нѣкоторыя формы, встрѣчающіяся въ памятникахъ *κοινῆς*, должны были пропасть вслѣдствіе исчезновенія самыхъ грамматическихъ образованій или замѣны словъ новыми (*ποιοίη Ἀττικοί, ποιῶη Ἑλληγες, Moeris*; но желательное въ новогреч. пропало; *γέγοναν* вм. *γεγόνασιν; μέλανος* вмѣсто *μέλας*; въ новогреч. новое слово, *μαῦρος*). Глаг. на — *ῶ* въ новогреческомъ дали особый типъ — *φορτώνω*, въ *κοινῆ* же они только еще подверглись тому же процессу смѣшенія основъ, какъ — *ᾶ* и — *ῆ*, ко-

торыя и въ новогреческомъ часто смѣшиваются во флексіи (ζητῶς, ἀγαποῦμε). Эти «переходныя формы» составляютъ, такимъ образомъ, важное отличіе κοινῆς отъ новогреческаго.

Но вообще новогреческій позволяетъ дѣлать заключенія о формахъ κοινῆς: новогреч. κρεββάτι, τέσσερα указываютъ на переходъ гласнаго звука α въ ε подъ влияніемъ ρ еще въ эпоху κοινῆς. Новогреч. θωροῦ, χρωστοῦ стоятъ въ связи съ переходомъ въ κοινή сочетаній εα, εο въ α, ο. Потому, гдѣ Нов. Завѣтъ согласуется съ новогреческимъ, тамъ мы безъ колебанія должны признать формы κοινῆς. Формы Нов. Завѣта μεριαμμένος, ἐξηραμμένος, Winer-Schmiedel, Gramm. d. neutest. Sprachidioms 104, находятъ себѣ опору въ новогреч. ξεραμένος, μαραμένος и потому не должны быть исправляемы. Здѣсь авторъ касается также тѣхъ заимствованій изъ греческаго въ восточныхъ языкахъ, которыя онъ разсматриваетъ въ специальной своей статьѣ Byz. Ztschr. IX, 388 — 452. Τελώνι plur. τελώνια у нынѣшнихъ грековъ означаетъ извѣстный родъ обитающихъ въ воздухѣ губительныхъ демоновъ; они извѣстны еще въ византійское время (B. Schmidt, Volksleben d. n. Griechen. 171 f.). Что они были извѣстны еще въ эллинистическую эпоху, видно изъ заимствованнаго въ раввинской письменности греческаго слова teloni. Иногда новогреческія діалекты указываютъ на то же отношеніе: къ немногимъ случаямъ, гдѣ новогреч. spiritus asper вмѣсто lenis находитъ себѣ подтвержденіе въ формахъ κοινῆς, можно присоединить греч. ὀπώρα; колебаніе придыханія замѣтно еще въ древнегреческомъ. Въ современномъ языкѣ, при обыкновенномъ φτινὸπωρο или χυνὸπωρο, на крайнемъ востокѣ области новогреч. языка, въ понтійскомъ діалектѣ, самъ авторъ подмѣтилъ форму μὸδὸπωρον, ведущую свое происхожденіе еще отъ древнегреч. μεδὸπωρον (S. 19).

Весьма важнымъ, даже необходимымъ средствомъ является новогреческій тамъ, гдѣ истинная природа звука можетъ быть провѣрена только на живомъ произношеніи, въ виду того, что орфографія рукописей отличается крайнею неустойчивостью. Авторъ прекрасно показываетъ это на примѣрѣ новозавѣтнаго слова κρέββατος. Лучшія рукописи Нов. Зав. даютъ чтеніе κρέβαττος. Но свойства консонантизма извѣстныхъ новогреческихъ діалектовъ позволяютъ Thumb'у съ несомнѣнностью доказать, что правильнымъ чтеніемъ должно считать κρέββατος. Опять авторъ пользуется здѣсь личными наблюденіями надъ произношеніемъ слова (въ его новогреч. формѣ κρεββάτιν, κρεββάτιν) въ мѣстныхъ говорахъ (S. 21 fg.). Новозавѣтныя формы, какъ ἐκχύνω, находятъ себѣ подтвержденіе въ новогреческомъ. Авторъ принципиально выясняетъ въ концѣ этой главы значеніе діалектовъ новогреческаго языка для древней филологіи. Самое распаденіе этихъ діалектовъ на группы, какъ, напр., въ вопросѣ удвоенія согласнаго, группа: Кипръ, Родосъ, Икаръ, Калимъ, различіе формъ въ разныхъ діалектахъ указываетъ на переживанье болѣе древней основной формы, могущей быть выведенной изъ нихъ.

Во второй главѣ, *Исчезновеніе древнихъ діалектовъ*, наше особенное вниманіе привлекаютъ на себя статистическія таблицы, иллюстрирующія развитіе этого процесса для діалекта о-ва Родоса, на основаніи матеріала, заключающагося въ новѣйшемъ сборникѣ надписей этого о-ва, *Corpus Inscr. Insularum. Vol. I.* Постепенное вторженіе въ мѣстный говоръ *κοινῆς* авторъ констатируетъ въ его шести ступеняхъ: 1. архаическая пора, 2. IV вѣкъ, 3. III в. до Р. Хр., 4. I—II вв. по Р. Хр., 5. III—V в. 6. Христіанскія надписи. Свидѣтельство эпиграфики согласуется и съ замѣткой Светонія (Tiber. c. 56), который сохраненіе древняго діалекта отмѣчаетъ, очевидно, какъ исключеніе. Мы можемъ представлять себѣ состояніе на Родосѣ ко времени Светонія живого языка такъ, что городскіе круги частью говорили и на мѣстномъ діалектѣ, и на *κοινῆς*: постепенное умноженіе надписей на *κοινῆς* показываетъ какъ мало по малу этотъ говоръ отвоевывалъ себѣ почву, не достигнувъ однако за періодъ надписей полного господства (S. 40). Болѣе значенія, чѣмъ простой счетъ надписей того или другого говора за разные періоды времени, имѣютъ таблицы (для того же родосскаго нарѣчія) и статистическія выкладки касательно постепеннаго вытѣсненія діалектическихъ фонетическихъ и морфологическихъ чертъ въ родосскихъ надписяхъ формами *κοινῆς*, S. 43 fgg. Если такой признакъ дорическихъ діалектовъ, какъ α вмѣсто η , сохраняется дольше, чѣмъ другіе, то такая особенность остается только, какъ извѣстная діалектическая окраска языка, принадлежащаго вообще уже къ *κοινῆς* (S. 45 срв. подобное сохраненіе α въ эолическихъ надписяхъ S. 51). Нѣкоторые отдѣльные доризмы сохраняются до сихъ поръ. Діалектическія дорическія формы въ одной родосской надписи I-го в. по Р. Хр. являются рядомъ съ такими чисто новогреческими образованиями, какъ *ταύτες* и *ἕλλες* (= *ταύτας* и *ἕλλας*).

Вторженіе аттическихъ формъ, конечно, всюду совершалось подобнымъ же образомъ, какъ на Родосѣ, только хронологическій его ходъ былъ различенъ. Изслѣдованію частныхъ здѣсь открыто еще обширное поле. Помимо фонетической и флексивной стороны, оно должно, по мнѣнію Thumb'a, направлять свое вниманіе еще и на запасъ словъ, такъ какъ лексическій обмѣнъ, при широкомъ развитіи торговыхъ и другихъ сношеній вообще, по меньшей мѣрѣ столь же легко находилъ себѣ мѣсто, какъ и вліяніе въ отношеніи звуковъ и флексій. Такъ, мессинская надпись въ Анданіи I в. до Р. Хр., относящаяся къ мистеріямъ (Dittenberger, *Sylloge*, срв. Glaser, *De ratione, quae intercedit inter sermonem Polybii et eum, qui in titulis sacculi III. II. I apparet*, Giessen 1894 pg. 30 sqq.), обнаруживаетъ сильное вліяніе *κοινῆς*. Не смотря на сильно выраженный въ ней мѣстный характеръ, она проявляетъ въ грамматикѣ аттическое вліяніе и, такъ какъ для переживанья здѣсь дорическаго нарѣчія мы имѣемъ свидѣтельство Павсанія (IV 27, 11), то и здѣсь, повидимому, какъ на Родосѣ, элементы діалектическіе и элементы *κοινῆς* находились въ борьбѣ между собою.

Въ азіатско-эолической области надписей употребленіе діалекта прекратилось уже во II в. до Р. Хр. (R. Meister, Griech. Dial. I 8 fg. и въ особенности Leitsch, Quatenus quandoque in dialectis aeolicis quae dicuntur vulgaris lingua irrepserit, Königsberg 1895). Таблица отношенія діалектическихъ формъ и формъ *κοινῆς* на основаніи матеріала, собраннаго Лейчемъ, дана Thumb'омъ на стр. 48, и въ графическомъ изображеніи процесса восхожденія отъ діалектическихъ особенностей (таковыхъ взято семь) къ *κοινῆ*, по мѣрѣ перехода отъ IV-го до II в. до Р. Хр. — стр. 49.

Переходя въ 3-ей главѣ къ вопросу объ *остаткахъ древнихъ діалектовъ въ κοινῆ*, Thumb характеризуетъ доступность аттического діалекта чуждымъ влияніямъ еще въ классическую эпоху и естественность такихъ влияній съ тѣхъ поръ, какъ Аѳины, являясь во главѣ обширнаго морского союза, стали мировымъ городомъ. Нивеллирующее влияніе *κοινῆς* и здѣсь сказывается очень рано. Рядъ отдѣльныхъ фактовъ его въ морфологической и лексической области, начиная съ конца IV в. до Р. Хр., въ теченіе III-го в. до Р. Хр., указанъ Мейстерганзомъ въ его Грамматикѣ аттического нарѣчія на основаніи надписей. Что касается діалектическихъ особенностей, нашедшихъ себѣ доступъ въ аттическій діалектъ, доризмы встрѣчаются въ аттическомъ народномъ языкѣ еще у Аристофана и другихъ комиковъ.

Для *κοινῆ* Thumb весьма ограничиваетъ элементъ древнихъ греческихъ діалектовъ. Не говоря уже о такихъ діалектахъ съ узко ограниченной областью распространенія, какъ лесбійскій, ѳессалійскій, лаконскій, елейскій (S. 62), даже для влиянія дорического діалекта онъ находитъ возможнымъ признать лишь немногія отдѣльныя формы, вродѣ *ἔπαξια*, *ἄρεταλάγος*, *ἡ λεμάς*. Вообще мнѣніе Витковского (Prodromus grammicae rariorum graecorum, Кракау 1897) о смѣшеніи въ языкѣ египетскихъ папирусовъ греческихъ діалектовъ не находитъ себѣ подтвержденія въ дѣйствительныхъ фактахъ этого языка (S. 66). Болѣе замѣтно въ *κοινῆ* присутствіе іонизмовъ (срв. Mayser, Gramm. d. griech. Pap., Heilbronn 1898. Barth, De dialecto Coorum, Schweizer o. s. и др.), такъ во флексіи основъ на — α, S. 68 fg. (м. проч. у Малалы и Порфириогениста *γεφύρης*, *τῆ λίτρῆ*, у Малалы и Теофана *ἄσπρης*, въ Египтѣ на папирусахъ, на надписяхъ Пергама, Коса, Оеры, Мал. Азіи, Коммагени, I в. по Р. Хр.), срв. въ новогреческомъ при прилагательныхъ на — ρος и — ιος: *μικρῆ*, *βέβαια*, *ἐλεύτερῆ*. Въ Мал. Азіи и въ Египтѣ въ этомъ случаѣ влияніе іонической культурной сферы (слово *σπείρης* — genit., мож. б., и прямо заимствованное, іоническое; о колоніи Навкратисъ въ Египтѣ срв. и S. 240). Такъ и формы *μαχαίρης* и т. под. въ языкѣ 70-ти и Нов. Завѣта безъ колебанія надо признать за іонизмы (предполагать въ *μαχαίρης* аналогію къ *δόξης* невозможно, такъ какъ въ пору, когда отношенія долготы и краткости были уже поколеблены, нельзя допускать таковую; кромѣ того, въ данную пору скорѣе замѣчается стремленіе къ уравниенію вокализма въ падежной системѣ: *μοῦσα*, *μοῦσας* и т. под. на папирусахъ и надписяхъ).

Ионизмы въ области чередованія aspiratae и tenues: κιτών=χιτών, πάθνη=φάθνη, и друг. (S. 71). Вообще ясные ионизмы представляютъ ἔνεκεν и εἴνεκεν на надписяхъ, папирусахъ и въ Нов. Завѣтѣ, εἶτεν и ἔπειτεν. Вообще Thumb признаетъ особенно сильное вліяніе на κοινὴν ионическаго нарѣчія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ κοινή замѣчается борьба между соотвѣтствующими аттическими и ионическими формами. Это прекрасно показано на судьбѣ въ новогреческомъ словѣ на — αλος, — ελος, помѣчаемыхъ аттицистами, S. 75 fg. У аттицистовъ аттическими обозначаются то формы съ — ελ —, то съ — αλ —, въ новогреческомъ произошло уравнение основъ: μυαλός, σάλιο, γυαλί, ψαδί, φιάλα. Подобное же уравнение произошло въ области сочетанія согласныхъ ρσ (ионич.) и ρρ (аттич.): въ еллинистическую пору встрѣчаемъ рядомъ ρσ и ρρ (надписи Пергама даютъ πορρωτέρω и θαρρεῖν, у Полибія θαρρεῖν, между θαρρεῖν и θαρσεῖν колеблются 70-тъ и Нов. Завѣтѣ), въ новогреческомъ утвердилось ρρ, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, какъ то: ἄρσενικός (откуда серνικός), μερσίμη (= μυσίμη) и χέρσοσ. Кромѣ доризмовъ и ионизмовъ, надо отмѣтить еще и аттицизмы: νεωκόρος (папирусы, хотя ναός вм. νεός на надписяхъ еще въ срединѣ III-го в. до Р. X.) и ττ рядомъ съ τσ. Мы встрѣчаемъ сочетаніе ττ въ Атикѣ и съ III-го в. внѣ этой области (что тутъ дѣло не въ культурномъ вліяніи, видно изъ канцелярскихъ надписей Пергама, гдѣ, не смотря на вліяніе Атики, не встрѣчаемъ ττ) на папирусахъ самого обыденнаго содержанія, въ библейскомъ греческомъ и въ ранней христіанской литературѣ, такъ что здѣсь, очевидно, фактъ естественнаго смѣшенія въ живомъ языкѣ діалектическихъ элементовъ ¹⁾. У Полибія πιττάκιον. Не всѣ такіа діалектическія формы дожили поры новогреческаго языка.

Конецъ этой главы (§§ 81 — 101) посвященъ попыткѣ, по слѣдамъ Hatzidakis'a, указать остатки древнихъ діалектическихъ формъ въ новогреческомъ, для восполненія пробѣловъ въ этомъ отношеніи нашей традиціи κοινῆς. Авторъ приходитъ къ выводу принципиальной важности для нынѣшняго языка былой ионической области. Нынѣшній діалектъ (или говоры) областей Понта обнаруживаетъ столько же и столь же мало ионизмовъ, какъ и надписи эпохи κοινῆς, относящіяся къ этимъ же мѣстностямъ. Ни о томъ, ни о другихъ нельзя утверждать, чтобы они были сильно усѣяны ионизмами, или даже, чтобы ядро ихъ было ионическое (такъ утверждалъ Экономидисъ въ монографіи своей, посвященной фонетикѣ Понтійскихъ говоровъ, Лрг. 1888). Слѣдовательно, тутъ нельзя говорить о сохраненіи древняго діалекта въ его прежней области. Такимъ образомъ то положеніе, что, за исключеніемъ законскаго діалекта, исходнымъ пунктомъ всѣхъ греческихъ діалектовъ является κοινή (такъ что, напр., и для понтійскаго діалекта ионизмы показываютъ лишь на зави-

1) Рядомъ съ этимъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ нельзя отрицать и чисто ученаго вліянія. Такъ, въ Acta Petri et Pauli V в. βδελύττεσθαι прямо по наставленію аттициста Фриниха: σιχαίνεσθαι τῷ ὄντι ναυτίας ἕξιον· ἀλλ' ἔρεεῖ βδελύττεσθαι, ὡς Ἀθηναῖος.

симость отъ *κοινή*, поскольку таковыя вошли въ *κοινήν*, а не отъ древняго іоническаго діалекта), не можетъ быть поколеблено (§ 88). Отдѣльные древніе діалектизмы свидѣтельствуютъ только о прежней этнологической основѣ, почвѣ, на которой выросъ *κοινή*. Эта древнѣйшая основа въ тѣхъ областяхъ, гдѣ греческій языкъ продолжалъ жить изолированно, выступаетъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ областяхъ, гдѣ постоянное взаимодействіе широкихъ сношеній съ соплеменниками до нынѣшняго дня благопріятствовало болѣе сильной нивелировкѣ особенностей мѣстныхъ говоровъ. Ранней изолированности своихъ предковъ законцы обязаны сохраненіемъ своего лаконскаго нарѣчія: когда Пелопоннись въ началѣ нашей эры обезлюдѣлъ (Mommsen, Röm. Gesch. V³ 245 ff.), въ области Парнона (срв. § 35) остатокъ лаконскаго племени сохранилъ свой языкъ. Позднѣе, когда Пелопоннись былъ наводненъ славянскимъ потокомъ, область Парнонскихъ лаконцевъ (въ горахъ) была отрѣзана славянами отъ общенія съ прочей областью господства греческаго языка и этой изолированности еще позднѣе благопріятствовали альбанцы, которые на югѣ вполнѣ, на сѣверѣ и западѣ частью загородили лаконцевъ, въ то время какъ въ остальной части западной границы не менѣе замѣтную преграду составляетъ горный хребетъ Парнонь (срв. Thumb, Die ethnograph. Stellung d. Zakonen, Indogerm. Forsch. IV 195 ff.). Примѣръ болѣе поздней, но подобной же оторванности отъ общенія съ прочимъ греческимъ міромъ представляютъ греческія общины въ Каппадокіи, въ области Тавра¹⁾. Онѣ были отрѣзаны отъ соплеменниковъ наплывомъ турокъ и поэтому оставались цѣлые вѣка изолированными и различныя говоры этихъ общинъ, однако опирающіеся на общую основу, производятъ особенно сильное впечатлѣніе глубокой древности и оригинальности. Отдѣльные характерные примѣры этихъ говоровъ сообщаетъ Thumb по собственнымъ наблюденіямъ на мѣстѣ (S. 90 m. Anm. 1): *ὄρνιχ* «пѣтухъ», при общемъ новогреч. *ὄρνιθι*, *τὸ ὀρθά-τατ* «истина» представляютъ очевидныя доризмы (срв. *ὄρνιξ* въ текстѣ Нов. Завѣта, въ одномъ текстѣ *κοινής* III в. по Р. X. и на азіатской почвѣ — на восковыхъ дощечкахъ изъ Пальмиры, Crusius, Philolog. LIII 238). Вліяніе дорически окрашеннаго *κοινής* могло итти въ Каппадокію съ юга, изъ Памфіліи и Кипра. Напротивъ, общая съ понтіійскими областями исторія и культура Каппадокіи, отдѣльная отъ юга, начинается для нея не раньше византіійской поры (чисто политическія границы то же опредѣляютъ границы діалекта, а Каппадокія съ VII-го вѣка входила, вѣроятно, въ одну оему съ Понтомъ).

Отмѣтимъ на этихъ страницахъ книги Thumb'a одно частное разъясненіе. Это вопросъ о происхожденіи новогреческаго слова *νηρόν* = ὕδωρ. Сліяніе *εα* въ *η* принадлежитъ дорическому или ахеодорическому *κοινή*, но въ *νηρόν* (срв. еще у аттициста Фриниха: *νηρόν ὕδωρ μηδαμῶς, ἀλλὰ*

1) Срв. Götting. gel. Anz. 1902, рецензію Hatzidakis'a на трудъ Сарантади Архелая *ἡ Σινασός* (Афины 1899.), S. 441 fgg.

πρόσφατον, ἀκραφινές) это сочетаніе получило всеобщее распространеніе. Однако, νερό(ν), фонетически вышедшее изъ аттическаго νεχρόν, встрѣчается въ Каппадокии и Фракии; на Лесбосѣ же νεχρός сохраняетъ свое значеніе прилагательнаго, но рядомъ съ этимъ для обозначенія слова «вода» имѣется слово νερό. Вотъ изъ такого то сохраненія параллельныхъ формъ съ разнымъ значеніемъ можно исходить въ объясненіи общаго новогреческаго νερόν «вода». Аттическая форма νεχρός еще и въ κοινή означала только «свѣжій» или «новый» (Кенуон, Раругі, I 62, 13—14, VI-го или VII-го в.; Охуг. Рар. I 136, 38, 583 г. по Р. Х.). Νηρόν ὕδωρ дало особое слово νερόν, вытѣснившее ὕδωρ, на томъ же, можетъ быть, основаніи, на какомъ явилось слово χρασί вмѣсто οἶνος, ψωμί вм. ἄρτος. Слова νερόν, χρασίον и ψωμίον встрѣчаются уже въ ранней византійской литературѣ. Какъ литургическое употребленіе словъ οἶνος и ἄρτος въ христіанской церкви благопріятствовало появленію новыхъ словъ для житейскаго употребленія, такъ церковный терминъ ἡλόγημένον ὕδωρ, встрѣчающійся еще у Палладія (V в.), могъ привести къ подобному же результату. Но такъ какъ νεχρός (изъ аттич. νεχρός) все еще означало «свѣжій», то фонетически дифференцированному, первоначально діалектическому слову νερόν была заранѣе обезпечена побѣда.

Изъ дорическаго же стяженія объясняетъ Thumb мѣстную форму ὀ βασιλέс (= βασιλέας), предполагая здѣсь особую артикуляцію звука η въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта форма встрѣчается (открытое ē; отчего η дало не i, а e). Для діалектическихъ формъ ἡ μηλέ (= μηλέα, ἐλάι, γράϊ) Thumb держится объясненія Jannaris'a (изъ множ. μηλέс, ἐλαίс), § 97.

4-ая глава. Вліяніе негреческихъ народовъ на развитіе еллинистическаго языка. Степень еллинизации различныхъ областей греко-римскаго міра опредѣлялась распространеніемъ въ нихъ греческаго населенія (срв. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht in d. östlichen Provinzen d. römischen Kaiserreiches, Lpg. 1891. Thumb намѣренно отодвигаетъ на задній планъ вопросъ о распространеніи κοινήс, какъ языка торговли и сношеній). Малая Азія была наиболѣе еллинизирована. Еще Аристотель говоритъ о евреѣ, живущемъ въ Малой Азіи: Ἑλληνιστὸς ἦν οὐ τῆ διχλέκτω μόνον, ἀλλὰ καὶ τῆ ψυχῆ, хотя вообще надо сказать, что религіозная противоположность еврейства съ язычествомъ являлась сильной преградой дѣйствительной еллинизации евреевъ, срв. § 105 (A. Meyer, Jesu Muttersprache, 1896. Schürer, Gesch. d. jüd. Volkes, II 342 ff.). Еллинизация Малой Азии сказалась и въ суженіи роли языковъ племениковъ: лидійцевъ, фригійцевъ, ликійцевъ, каппадокійцевъ. Число надписей на этихъ языкахъ въ императорскую эпоху очень скудно, хотя Дѣянія Апостольскія XIV 19 и свидѣтельствуютъ, что на ликаонскомъ нарѣчій туземное населеніе говорило еще во времена апостола Павла. Этимъ предшествующимъ ослабленіемъ негреческихъ діалектовъ въ Малой Азии объясняется та легкость, съ какою турецкое вторженіе окончательнo смыло слѣды ихъ для нашего времени, между тѣмъ какъ въ Сиріи и Египтѣ, не

смотря на потокъ арабскаго завоеванія, сирійскій и коптскій языкъ въ состояніи были уцѣлѣть до нынѣшняго дня.

Въ Сиріи и Египтѣ, въ противоположность Фракіи, Македоніи и Малой Азіи, эллинизация пустила корни далеко не такъ глубоко. Греческій языкъ получилъ распространеніе главнымъ образомъ въ городахъ (для Сиріи Thumb находитъ возможнымъ привести, § 107, параллель нашихъ остзейскихъ провинцій: нѣмецкій въ городѣ, эстонскій и латышскій въ деревнѣ). Въ Египтѣ эллинизация была все же сильнѣе, благодаря греческой администраціи. При дворѣ Птолемея Филадельфа было 80000 большею частью греческихъ наемниковъ.

Греческія области и области, вполне эллинизированные, какъ Малая Азія, Фракія, Македонія, опоясываетъ, такимъ образомъ, широкая полоса, въ предѣлахъ коей греческія поселенія водворились внутри иноземной области, не поддавшейся болѣе глубокому греческому вліянію. Здѣсь поднимается вопросъ, въ какой мѣрѣ греческая національность этой крайней зоны подверглась вліянію чуждой среды и не обнаружилось ли это вліяніе, вслѣдствіе оживленныхъ сношеній и постояннаго отлива и прилива населенія, и на общемъ развитіи эллинизма. Thumb отгѣняетъ здѣсь, какъ мы упомянули въ началѣ нашей статьи, особенное значеніе, для рѣшенія этого вопроса, свидѣтельствъ языка.

Обращаясь къ заимствованіямъ *κοινή* изъ иноземныхъ языковъ и указавъ при этомъ предварительно на очень ранніе слѣды вліянія на греческій языкъ этихъ языковъ въ области предметовъ матеріальной культуры, служившихъ объектомъ торговли и международныхъ сношеній (*χιτών, ὄβονη, δέλτος, λίβανος, κηάριστος, μνά*, у Гомера, Геродота, Ксенофонта, въ народномъ аттическомъ языкѣ у Аристофана), Thumb прибѣгаетъ къ папирусамъ. Распредѣляя ихъ на три группы: 1) до Р. Хр., 2) до начала византійской эпохи, 3) византійская эпоха съ IV—VII в., онъ констатируетъ, правда, нѣкоторое возрастаніе числа заимствованныхъ словъ по указаннымъ тремъ ступенямъ, но въ общемъ признаетъ весьма незначительное вліяніе на греческій иноземныхъ языковъ (сирійскаго и коптскаго) за указанный періодъ времени, вліяніе, никакъ не идущее въ сравненіе съ вліяніемъ на новогреческій турецкаго и другихъ восточныхъ языковъ (§ 116). Замѣчательно, что даже въ ломаномъ греческомъ языкѣ царя Силькона въ Нубіи (на надписи, писанной очевидно, коптомъ, Lepsius, Hermes X 129 ff.) лексическій запасъ чуждъ словъ, заимствованныхъ съ коптскаго, кромѣ одного слова *ἄρξ*, да и то коптскаго то заимствованнаго съ греческаго. То же слабое вліяніе иноземныхъ языковъ констатируется Thumb'омъ и въ надписяхъ, и у авторовъ, писавшихъ на *κοινή* въ Египтѣ (§ 117): у Семидесяти очень немногочисленны еврейскія и сирійскія слова. Египетское *βάρης* (у антиаттициста *βάρης κατ'οἰκίας καὶ πλοίου κτλ.* § 117 Anm. 4) въ смыслѣ «башня» (у Эсхила въ другомъ значеніи слова, указываемомъ антиаттицистомъ) сохраняется и въ новогреческомъ, но черезъ посредство латинскаго (ba-

гиса), βάρχη. Что касается Нов. Завѣта, такіа слова, какъ ἀμήν, πάσχα, γένηται, σάββατον, суть уже не просто заимствованныя слова, а специально еврейскія понятія, которыя подъ вліяніемъ христіанства нашли себѣ распространеніе не только въ греческомъ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Отъ лексикологіи Thumb переходитъ къ вопросу о гебраизмахъ (или семитизмахъ), разумѣя подъ этимъ терминомъ вліяніе самого духа чужого языка, проявляющееся въ особомъ значеніи словъ, во фразеологіи, въ способѣ выраженія и конструкціи, или также и въ грамматикѣ. Крупная заслуга Дейссмана, въ пѣломъ рядѣ его изслѣдованій, посвященныхъ языку Библии¹⁾, состояла въ объясненіи мнимыхъ гебраизмовъ, какъ фактовъ κοινής, на основаніи языка надписей и папирусовъ. Слова: ἐρωτάω въ значеніи «просить», ὄνομα въ значеніи «личность» (срв. новогреч. νομάτοι «лица»), ἐνώπιον «предъ лицомъ», такіа формулы, какъ ἐκ τῶν τεσσαράκων ἀνέμων, υἱὸς θανάτου и др., представляютъ созданія греческаго духа языка, а не произошли изъ семитическаго образа мышленія (S. 121). Чуждаго вліянія можно скорѣе искать въ стилѣ (притча въ Нов. Завѣтѣ; параллелизмъ предложеній въ Библии) и общемъ характерѣ мышленія и воззрѣній (срв. объ апостолѣ Павлѣ Norden, Die antike Kunstprosa 498 ff.), но не въ лексическомъ запасѣ и грамматикѣ. Если изрѣдка и встрѣчаются семитизмы въ переводной работѣ, какъ Библия (можетъ быть даже, въ евангеліи), то это не доказываетъ все же, чтобы они получили въ κοινή право гражданства. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ письменнымъ, а не разговорнымъ греческимъ языкомъ. Затѣмъ, значеніе Библии, какъ религіозной книги, должно было, конечно, сказаться на ранней христіанской литературѣ, примыкающей къ ней въ языкѣ (Reinhold, De graecitate patrum apostolic.). Семитизмы этой литературы могли ограничиваться только именно областью религіознаго языка, а проникали ли они вообще въ κοινή, это еще вопросъ. Фактъ тотъ, что христіанская проповѣдь и литература очень скоро освободились отъ простаго древнехристіанскаго стиля и еллинизировались (Norden, Die antike Kunstprosa II 550 fg., § 62. О родствѣ и смѣшеніи іудейскаго, христіанскаго и языческаго міра идей, объясняющихъ нѣкоторыя явленія, см. ibid. 466 слл., 471 слл. 476).

Новогреческій не былъ еще привлеченъ Дейссманомъ въ вопросѣ о «семитизмахъ» въ Библии (S. 123); между тѣмъ онъ даетъ новое подтвержденіе его мысли. Thumb отвергаетъ также «коптицизмъ», какіе усматривались въ святаксисѣ надписи Силькона, частью по сопоставленію ихъ

1) Bibelstudien, Marburg 1895, N. Bibelstudien 1897. Далѣе его статья въ Realencyklopädie für protest. Theologie, 3 Aufl. VII 627—639, подъ заглавіемъ Hellenistisches Griechisch. Наконецъ: Die sprachliche Erforschung der griech. Bibel, Giessen 1898. Еще Blass въ своей грамматикѣ языка Нов. Завѣта, кажется, склоненъ давать еврейскому болѣе широкую роль въ его вліяніи на греческій языкъ Библии, чѣмъ ему принадлежитъ.

съ новогреческимъ (S. 125). Искать же «семитизмовъ» у высокообразованныхъ іудейскихъ писателей, какъ Филонъ и Иосифъ Флавій,—задача прямо безнадежная.

Thumb опровергаетъ многочисленныя указанія на гебраизмы въ Свящ. Писаніи у Вито (Viteau), который находитъ таковыя и въ области грамматики: смѣшеніе залоговъ; сочетаніе предлоговъ и ихъ смѣшеніе (въ евангеліи отъ Марка, по Zahn, Einleit. in das N. Test., IV, изъ всѣхъ евангелій обнаруживающихъ въ особенности гебраистическую окраску); но и данныя у него и указанія у Swete'a, The Gospel according to St. Mark. London. 1899, опровергаются сопоставленіями съ новогреческимъ. Евангеліе отъ Матѳея, по Цану, переведено евреемъ, владѣвшимъ двумя языками, съ арамейскаго, и однако оно обнаруживаетъ не только вообще меньше гебраизмовъ, чѣмъ Маркъ, но и гораздо болѣе рѣдкое употребленіе однообразнаго продолженія разсказа посредствомъ союза *καί*, что также относили между прочимъ къ вліянію еврейскаго: въ новогреческомъ связъ путемъ *καί* вмѣсто подчиненія предложеній далеко нерѣдкость въ народномъ языкѣ и еще у Аристотеля иногда замѣчается такая связъ — Kaibel, Stil u. Text d. A9 πολιτ. Вито, всѣхъ основательнѣе въ новѣйшее время изслѣдовавшій синтаксисъ Семидесяти и Новаго Завѣта ¹⁾, не принялъ однако во вниманіе ни употребленія средняго и новогреческаго языка, ни языка папирусовъ. Такъ, между прочимъ (кромѣ употребленія залоговъ), въ качествѣ семитизма у Вито фигурируетъ употребленіе неизмѣняемаго причастія въ именительномъ падежѣ (на — *οντας*). Между тѣмъ оно является и въ новогреческомъ языкѣ. Все положеніе Вито, будто бы языкъ Новаго Завѣта отличается характеромъ языка христіанскаго іудейско-греческаго, оказывается несостоятельнымъ (S. 131).

Однако отрицать въ *κοινή* чуждое вліяніе вообще нельзя, надо только отыскивать его тамъ, гдѣ оно должно проявляться. Сюда относится область произношенія. Еллинизированные египтяне, малоазіаты и сирійцы придавали своему произношенію греческой рѣчи особую окраску ²⁾. Отсюда, напр., смѣшеніе *mediae* и *tenuis* съ *aspiratae* въ египетскомъ греческомъ (S. 134); коптское вліяніе, можетъ быть, тоже проявляется въ судьбѣ *γ* между гласными (не вездѣ пишется въ папирусахъ и въ рукописяхъ Библии), срв. къ этому John Schmidt, Ueber phonetisch. u. graph. Erscheinungen im Vulgärgriech. 1898. Относительно назализаціи согласныхъ Thumb указываетъ, что, когда въ новогреческомъ чистый *media* иностраннаго языка, напр., итальянскаго (*άντιο* = *adio*), передается путемъ носовой + *tenuis*: *μπ*, *γκ*, *ντ*, то этотъ носовой призывкъ слышится и въ

1) Étude (I) sur le grec du Nouveau Testament. Le verbe. Paris 1893. Étude (II) sur le grec du N. T. comparé avec celui des Septante. Paris. 1896.

2) Любопытное литературное свидѣтельство объ этомъ въ Церк. Исторіи Сократа VI 11 (срв. Sozom. VIII 10): Σεβηριανός μὲν Γαβάλων, πόλις δὲ Συρίας . . . . δοκῶν πεπαιδευθεῖαι τῇ φωνῇ τὴν Ἑλληνικὴν ἐξέστράνου γλωσσαν, ἀλλὰ καὶ Ἑλληνιστῆ φεγγγός-μενος Σύρος ἦν τὴν φωνήν.

произношеніи болѣе или менѣе ясно. Грекъ эллинистическаго времени, по-видимому, тоже уже рано зналъ *mediam* только въ связи съ носовымъ: *αὐγύστων* Augustus, *συμφέλιον* (S. 137). Въ этой назализации такимъ образомъ тоже иноземное вліяніе. То же въ вокализмѣ, напр., въ Египтѣ *μέλιστα* вм. *μάλιστα* (коптское вліяніе). Въ Малой Азіи туземнымъ, малоазійскимъ произношеніемъ объясняется *γίγονις* = *γέγονες* во Фригіи. Тѣсному фонетическому родству (въ произношеніи) *α* и *ι* надо приписать въ папирусахъ Птолемея случаи смѣшенія *η* и *ε* (*αι*), съ одной стороны, *η* и *ι*, съ другой. Также въ произношеніи *υ* въ Малой Азіи и въ Египтѣ иноземное вліяніе: въ Малой Азіи *σίμβριος*, *τύτλον*, *γενή*, въ Египтѣ *φιλαικείτου*, *ἐπέρ*, *θυράπον* (= *θεράπων*), *καινηγῶν* = *γυναικῶν* (Schweizer, Perg. Inschr. 76). Такимъ образомъ изъ фригійскаго или малоазійскаго превращенія звука *υ* въ *ι* можно исходить и въ объясненіи греческаго измѣненія *υ* въ *ι*. Дѣйствительно, Малая Азія на нѣсколько столѣтій опережаетъ въ этомъ прочія греческія области, такъ какъ произношеніе *υ* = *ι* только въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры проведено было во всемъ эллинизмѣ. Также *υ*, возникшее изъ *α*, рано утратило губную артикуляцію на азиатской почвѣ (*κιμητήριον* Bull. de corr. hell. XVII 250 nr. 26 и *Διονυσίου* Mitteil. d. arch. Inst. XVIII 206 nr. 3 — Фригія времени императоровъ).

Фригійское вліяніе (фригійскій діалектъ не терпѣлъ *σ* + consonans въ началѣ слова) обнаруживается въ мѣстномъ явленіи малоазійскаго *κοινή*: *ιστήλη*, *ειστρατιώτης*, *Ἰστεφανίων* (S. 144 fg.), особенность, сохранившаяся и по сю пору въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ діалектахъ (S. 146).

Различіе культурнаго уровня опредѣляло широкое вліяніе греческаго на восточные языки, но не наоборотъ (срв. для перваго напр. Krauss, Griech. lat. Lehnwörter im Talmud etc.). Эта неравномѣрность между отдачею и полученіемъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что вообще *κοινή* далеко не замыкался для посторонняго вліянія. Таково вліяніе латинскаго, впрочемъ не въ области синтаксиса (S. 152 fg.). Что греческій стиль римлянина, при всей грамматической правильности, выдаетъ, напр. въ письмахъ, римлянина, или что переводъ на греческій понятій римской государственной жизни дышетъ римскимъ духомъ (срв. Viegck, Sermo graecus), это вещь столь понятная сама собою, что было бы удивительно, если бы это было иначе. Однако только неумѣлый, рабскій переводъ на греческій порождаетъ негреческіе латинизмы, вродѣ *ablat. absol.* *Λευκίφ* — *Γαίφ* . . . *ὑπάτοις* или передачи лат. *quominus* буквально: *ὡς ἔλασσον* (въ *senatus consult.* II в. до Р. Хр.). Насколько сами римляне дѣлали ошибки такого рода, онѣ ничего не доказываютъ противъ грамматической чистоты *κοινή*.

Болѣе глубоко проникаетъ вліяніе латинскаго въ *κοινή* только въ области образованія именъ, а именно въ возникновеніи многочисленнаго класса словъ на *-ις*, *-ιυ* вмѣсто *-ιος*, *-ιον* (*Διονύσις* вм. *Διονύσιος*, *ἐξέδριον* вм. *ἐξέδριον*), появляющагося приблизительно съ начала нашего лѣтосчисленія и оказывающагося очень плодотивымъ въ періодъ средне- и новогрече-

скаго. Отвергая объясненіе его происхожденія на греческой почвѣ у Дитериха, Thumb держится для именъ на (-ιος) ις взгляда Pätzidakis'a (καστρίσιος, καστρίσις, Αὐρήλιος, Αὐρήλις — заимствованія въ двойкой формѣ, S. 154), срв. еще заимствованные изъ латинскаго суффиксы -άρις, -αρι, -άτος, -ίνα, ούλα, сдѣлавшіеся въ новогреческомъ источникѣ новыхъ образованій. Отсюда составныя глагольныя формы: εἶνε φευγάτος, ἔχω περπάτο.

Такое заимствованіе дѣльных суффиксовъ предполагаетъ уже широкое вторженіе заимствованныхъ словъ. И дѣйствительно, около того же времени, когда Катонъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ заимствованій у грековъ, когда богатый притокъ греческихъ словъ влился въ латинскій языкъ, въ то же самое время начался уже обратный процессъ, притокъ въ κοινήν латинскихъ словъ (S. 156), сначала въ небольшомъ размѣрѣ, потомъ, съ начала нашей эры, все быстрѣе разрастаясь, такъ что нетрудно различить три періода въ заимствованіи латинскихъ словъ κοινή: время республики, императорское время до Константина, раннюю византийскую эпоху до Юстиніана, когда это заимствованіе достигло своего высшаго пункта (такъ еще Μαυροφρίδης, Δοκίμιον ιστορίας τῆς ἑλλην. γλώσσης, Smyrna 1871). Въ новогреческомъ и его діалектахъ полное собраніе заимствованныхъ изъ латинскаго словъ сдѣлано G. Meyer'омъ, Neugriech. Studien въ Sitzber. d. Wiener Akad. 132 Bd. 1895. Кромѣ понятій изъ области военнаго дѣла и нѣкоторыхъ словъ изъ области бюрократіи, здѣсь находимъ большое число понятій изъ области повседневной жизни, названія для овощей, частей одежды, практическихъ сферъ дѣятельности, для дома, его частей и обстановки. Многія изъ этихъ словъ, бывшія въ ходу въ тысячелѣтній періодъ римскаго вліянія, потомъ исчезли изъ языка. Вопросъ о заимствованіяхъ изъ латинскаго въ эпоху κοινής вполне еще не изслѣдованъ (Lafoscade, Influence du latin sur le grec въ Études Психари, ограничилъ свою тему). Здѣсь надо использовать и надписи, и папирусы, и литературныя произведенія эпохи, и заимствованія наконецъ латинскихъ словъ черезъ греческій въ восточныхъ языкахъ. У авторовъ эпохи κοινής замѣчается, впрочемъ, большая сдержанность въ допущеніи латинскихъ словъ, напоминающая современныхъ греческихъ пуристовъ въ ихъ отношеніи къ романскимъ и турецкимъ словамъ (S. 159). Такъ, у Полибія, Плутарха, Юсіфа Флавія. Если, не смотря на то, напр. Плутархъ, объясняющій обыкновенно латинскія слова греческими, употребляетъ и самъ нѣкоторыя латинскія слова, то этотъ фактъ особенно ясно показываетъ, насколько прочно утвердились въ языкѣ латинскія слова. Въ концѣ концовъ въ византийское время дошло уже до того, что напротивъ греческія слова стали поясняться болѣе привычными латинскими словами, напр., κίχλις· ὁ τοῦ δικαστηρίου κάγγελος, или χειρόμακτρον ἢ χειρόμαστρον· μανδήλιον, или πέταυρα· τίγνα, и т. под. у Гезихія.

Общій выводъ автора о κοινή въ этой главѣ тотъ, что въ разсматриваемый періодъ языкъ не болѣе поддавался иноземнымъ вліяніямъ, чѣмъ

это было свойственно древнегреческому языку. Значительное влияние латинскаго языка объясняется особыми историческими условиями, дѣлавшими широкій обмѣнъ языковъ вполне естественнымъ.

5-ая глава. Диалектическая дифференціация κοινῆς. Положеніе библейскаго греческаго языка. Авторъ признаетъ къ I-му в. нашей эры 5 диалектическихъ группъ κοινῆς: 1) египетскій, 2) малоазійскій и три въ области самой Греціи: 3) іоническій (іонически окрашенный κοινῆ) въ области іонянъ, 4) κοινῆ, дорической окраски, на дорическихъ о-вахъ, въ Пелопоннѣ, въ областяхъ этолійскаго и ахейскаго союзовъ, 5) аттичскій κοινῆν. По отношенію къ этимъ группамъ понимаетъ Thumb и слова Квинтиліана XI 2, 50 о Крассѣ, владѣвшемъ «quinque graeci sermonis differentias» (S. 167).

Впрочемъ эти мѣстныя народныя нарѣчія не находятъ себѣ достаточно опредѣленнаго выраженія ни въ надписяхъ, ни въ папирусахъ, ни въ литературныхъ произведеніяхъ, такъ какъ всѣ эти памятники въ большей или меньшей степени обнаруживаютъ извѣстное литературное направленіе, вкусы, степень образованности, смотря по времени (императорское время и римское время) и по происхожденію (канцелярія, δημος и частныя лица). Кромѣ того, нюансы произношенія болѣе тонкаго рода не находятъ себѣ выраженія въ письмѣ, а между тѣмъ они, какъ мы видѣли, часто какъ разъ характерны для діалекта данной мѣстности.

Авторъ, далѣе, критикуетъ нѣкоторыя укрѣпившіяся въ научной литературѣ мнѣнія объ особыхъ діалектахъ еллинистической эпохи. Таковъ «александрійскій» діалектъ, особенности коего, вслѣдъ за александрійскими учеными, мнили обнаружить изслѣдователи новаго времени, начиная со Штурца (De dialecto macedonica et alexandrina liber. Lpg. 1808), до новѣйшихъ трудовъ Buresch'a (Rhein. Nuseum XLVI Bd. и Philologus LI Bd.). Разбирая мнѣніе послѣдняго, Thumb указываетъ, что, рядомъ съ особенностями дѣйствительно характерными для Египта, онъ даетъ мѣсто и признакамъ, принадлежащимъ κοινῆ вообще, или признакамъ сомнительнаго характера. Отъ этого египетскаго κοινῆ надо строго отличать ломаную рѣчь нееллинизированныхъ египтянъ (коптовъ, нубійцевъ), вродѣ надписи Силькона (τοῦ ἐνδοξότατος, τὰ ποταμοὶ ὄδατα у Hesseling'a—греч. тексты въ коптскомъ письмѣ, Museum VI 1899. nr. 11). Понятіе «іудейско-греческаго» устранено уже Дейссманомъ. Что языкъ 70-ти вызвалъ до сихъ поръ столь мало работъ, тѣмъ болѣе странно, что почва здѣсь подготовлена изданіями и конкорданціями ¹⁾.

1) Anz, О лексическомъ запасѣ Пятикнижія. Dissert. Halenses XII (1894).

Kennedy, Sources of New Testament Greek or the influence of the Septuagint in the vocabulary of the New Test. Edinburg. 1895.

Hatch and Redpath, A concordance to the Septuagint and the other greek versions of the Old Testament. Oxford 1892.

Hatch, Essays in Biblical Greek. Oxford. 1889.

A. Podlaka, Die griech. Uebersetz. d. heil. Schriften d. A. Test. T. I. Progr. Prag 1895 (на чешскомъ языкѣ).

Византійскій Временикъ.

Въ числѣ признаковъ александрійскаго, іудейско-греческаго діалекта Buresch съ торжествомъ указывать форму $\xi\rho\alpha\upsilon\nu\acute{\alpha}\omega$ вмѣсто $\xi\rho\varepsilon\nu\acute{\alpha}\omega$, въ увѣренности, что такой не найдется ни въ папирусахъ, ни на надписяхъ. Но Thumb отмѣчаетъ ее въ папирусѣ 22 г. по Р. Хр. ($\xi\rho\alpha\upsilon\nu\eta\tau\alpha$: Охуг. Papyri II 294, 9.10; также $\xi\rho\alpha\upsilon\nu\alpha$ 338 г. по Р. Хр. *ibid.* I 67, 18). Значитъ, это признакъ египетскаго $\kappa\omicron\nu\nu\eta\varsigma$ (срв. еще $\acute{\alpha}\rho\alpha\upsilon\delta\iota\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ отъ $\acute{\alpha}\phi\epsilon\iota\delta\acute{\epsilon}\omega$). $\text{Κα} = \kappa\acute{\alpha}\iota$, $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\rho\alpha\pi\tau\alpha$, $\kappa\epsilon\chi\rho\eta\mu\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\tau\alpha$, $\acute{\epsilon}\gamma\gamma\alpha\iota\omega\nu$ вмѣсто $\acute{\epsilon}\gamma\gamma\epsilon\iota\omega\nu$ (Grenfell, Papyri I 30, 18)—все это признаки туземнаго египетскаго вліянія (S. 177).

Въ разборѣ мнѣнія Krauss'a о палестиноіудейскомъ греческомъ въ словахъ, заимствованныхъ въ еврейскихъ книгахъ, Thumb опять указываетъ на то, что и этимъ ученымъ вполне обыкновенныя явленія $\kappa\omicron\nu\nu\eta\varsigma$ въ образованіи словъ отнесены къ специально палестино-іудейской области.

Языкъ Нов. Завѣта тоже требуетъ сближенія съ $\kappa\omicron\nu\nu\eta\varsigma$ въ папирусахъ и надписяхъ. Такъ, такіа явленія стила, отмѣчаемыя Норденомъ, какъ скопленіе мѣстоименія $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, отсутствіе члененія предложій путемъ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\delta\acute{\epsilon}$, безграничная скудость частицъ, не составляютъ чего-нибудь особаго въ стилѣ $\kappa\omicron\nu\nu\eta\varsigma$. Впрочемъ, разумѣется, между различными авторами Новаго Завѣта здѣсь наблюдается большая разница въ стилѣ. Такъ, у Луки и Павла Blass отмѣчаетъ, *Gramm. d. neutest. Griech.* S. 5, особую близость къ литературному языку, ср. также Norden, *Die antike Kunstprosa* II 485 ff., Blass, *Acta Apost.* S. 14 fg. Лука не только избѣгаетъ арамейскихъ и латинскихъ словъ ($\rho\alpha\beta\beta\epsilon\iota$, $\acute{\alpha}\gamma\gamma\alpha\rho\epsilon\upsilon\omega$; вмѣсто $\acute{\alpha}\mu\eta\nu$ употребляетъ— $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\omega\varsigma$, вмѣсто $\kappa\omicron\delta\rho\acute{\alpha}\nu\tau\eta\varsigma$ — $\lambda\epsilon\pi\tau\acute{o}\nu$), но и такихъ еллинистическихъ выраженій, которыя отвергаются аттицистами (онъ употребляетъ: $\acute{\epsilon}\sigma\theta\acute{\iota}\omega$ вмѣсто $\tau\rho\acute{\omega}\gamma\omega$, $\acute{\alpha}\pi\omicron$ $\tau\omicron\upsilon$ $\nu\upsilon\nu$ вм. $\acute{\alpha}\pi'$ $\acute{\alpha}\rho\tau\iota$, $\sigma\theta\mu\alpha$ вм. $\pi\tau\theta\mu\alpha$, $\sigma\pi\epsilon\iota\rho\omega$ вм. $\delta\iota\alpha\sigma\kappa\omicron\rho\pi\acute{\iota}\zeta\omega$); онъ держится также аттической грамматики, а не еллинистической ($\acute{\epsilon}\kappa\acute{\alpha}\theta\iota\sigma\epsilon$ вм. $\kappa\epsilon\kappa\acute{\alpha}\theta\iota\kappa\iota\zeta\epsilon\nu$, $\tau\iota\varsigma$ вм. $\epsilon\iota\varsigma$, $\acute{\epsilon}\chi\upsilon\tau\omicron\upsilon$ вм. ἴδιος , $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}$ $\lambda\acute{\iota}\theta\omega$ вм. $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}$ $\lambda\acute{\iota}\theta\omicron\upsilon$, ἴσασι вм. $\omicron\text{ἴδασι}$).

Разоблачая, такимъ образомъ, призракъ іудейско-греческаго діалекта (греческій палестинскихъ іудеевъ расходится съ языкомъ Нов. Завѣта, судя по значенію нѣкоторыхъ словъ въ еврейскихъ книгахъ, S. 185), Thumb съ избыткомъ вознаграждаетъ за потерю этого и другихъ мнимыхъ діалектовъ $\kappa\omicron\nu\nu\eta\varsigma$ своими пѣнными соображеніями относительно отраженія въ нѣкоторыхъ фонетическихъ явленіяхъ новогреческихъ діалектовъ состоянія діалектовъ языка еще въ періодъ $\kappa\omicron\nu\nu\eta\varsigma$ (S. 187—189). Это: 1. Ирраціональный γ между гласными, который Крумбахеръ прослѣдилъ назадъ до древнѣйшихъ вульгарногреческихъ текстовъ (*Sitz. ber. d. bayern. Akad.* 1886, S. 373 fgg.), въ то время какъ въ другихъ онъ отсутствуетъ. То же явленіе, хотя и очень распространено въ новогреческомъ, но во многихъ діалектахъ (напр., на о-вахъ Егейскаго моря) не-

Отмѣтимъ еще здѣсь къ дальнѣйшему, объ апостолахъ Лукѣ:

Th. Vogel, *Zur Charakteristik d. Lukas nach Sprache u. Stil.* Lpg. 1897, и отдѣльное изданіе евангелія отъ Луки Бласса.

известно, и напротивъ въ этихъ діалектахъ скорѣе является правиломъ исчезновеніе п стараго γ , такъ, на Икарѣ, Родосѣ и о-вахъ, близкихъ къ нимъ по діалекту. 2. Палатализація χ передъ e, i (tš, tš, ts). Въ новогреческомъ это явленіе въ разныхъ степеняхъ распространено опять на широкую область діалектовъ. Однако, сопоставляя его съ подобнымъ же явленіемъ въ романскихъ языкахъ, послѣднее представляется болѣе всеобщимъ. Такъ какъ во французскомъ уже къ X в. явилась дальнѣйшая ступень палатализаціи ts въ s , то начало палатализаціи въ греческомъ, конечно, надо относить ко времени еще раньше X-го вѣка. Опять, слѣдовательно, въ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ χ передъ e, i произносилось въ разныхъ мѣстностяхъ въ различной степени палатально и еще въ этомъ періодѣ скрываются зародыши дифференціаціи новогреческихъ діалектовъ (въ памятникахъ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$, въ заклинаніяхъ на дощечкахъ) см. Sothian, Verfluchungstafeln, ок. 400 г. — S. 191). 3. Переходъ $\lambda \rightarrow$ consonans въ $\rho \rightarrow$ consonans (ἀδερφός). Онъ засвидѣтельствованъ въ изобиліи и для $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ изъ различныхъ областей. Въ новогреческомъ Thumb отмѣчаетъ различіе по собственнымъ наблюденіямъ (письменные свидѣтельства ненадежны). Въ Азіи южная и западная Мал. Азія на надписяхъ (съ ρ) расходятся съ сѣв.-восточною въ нынѣшнихъ ея діалектахъ (съ λ). 4. Произношеніе звука η , закрытое въ Бэотіи и Тессаліи и открытое въ Атикѣ и Іоніи. 5. Судьбы звука υ (u, iu, i). Нюансы произношенія, надо предполагать, еще въ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ имѣли каждый свою область распространенія. Въ связи съ палатализаціей χ мягкое произношеніе υ надо допускать еще раньше X-го в. тамъ, гдѣ гортанные смягчаются передъ нимъ, въ области Бова и Terra d'Otranto (S. 195 $\sigma\upsilon\tau\iota$ κύρις, jummu γυμνός). 6. Переходъ α въ ϵ въ сосѣдствѣ съ ρ и λ : $\kappa\rho\epsilon\beta\beta\acute{\alpha}\tau\iota$, $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\kappa\acute{\alpha}\tau\eta$. 7. Въ образованіи 3 лица множ. числа въ praes. въ новогреческомъ — $\omicron\upsilon\nu$ (δέουον), въ impf. и aor. — $\alpha\nu$ (ἔδευαν, ἔδεσαν). Но въ нѣкоторомъ рядѣ діалектовъ, на Кипрѣ, на Егейскомъ морѣ, въ южн. Италіи и дрр. мм. — $\omicron\upsilon\sigma\iota$ и — $\alpha\sigma\iota$. Замѣна — $\omicron\upsilon\sigma\iota$ путемъ — $\omicron\upsilon\nu$ и $\alpha\nu$ путемъ — $\alpha\sigma\iota$ началась уже въ пору позднѣйшей древности (ἐπιτηδεύουον V в. Мал. Азіи и ἀγάγων = ἀγάγουσι на папирусѣ 148 г. по Р. Хр.; далѣе ἐπήλθασι на папирусѣ 215 г. по Р. Хр.; ἐποιήσασι, ἐλάβασι въ ранней христіанской литературѣ, см. Hatzidakis, Einl. 112, Iannaris p. 201 f., Dieterich, 236, 247, Reinhold, p. 81 f.). Такъ какъ въ новогреческомъ еще не проведены единообразныя формы, то, значить, надо предполагать особенную пестроту ихъ въ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, т. е. существованіе рядомъ комбинацій $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\sigma\iota$ — $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\alpha\nu$, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\nu$ — $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\alpha\nu$, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\sigma\iota$ — $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\beta\alpha\sigma\iota$. Это не противорѣчитъ предположенію, что типъ $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\sigma\iota$ — $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\beta\alpha\sigma\iota$, въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ наблюдается еще сейчасъ, унаслѣдованъ съ древнихъ временъ, что, слѣдовательно, образованіе отличало, напр., $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ мѣстностей по Егейскому морю отъ прочихъ нарѣчій $\kappa\omicron\iota\nu\eta\varsigma$, которыя имѣли $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\sigma\iota$ — $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\alpha\nu$ или $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\nu$ — $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\alpha\nu$. 8. Для 3 л. множ. числа impf. и aor. уже въ древнемъ $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ существовало еще дальнѣйшее образованіе, $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\sigma\alpha\nu$, $\acute{\eta}\lambda\theta\omicron\sigma\alpha\nu$, $\acute{\epsilon}\phi\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\sigma\alpha\nu$ (надписи, папирусы; литературные памят-

ники у Рейнгольда). Въ новогреческомъ вообще правильное окончаніе 3 л. множ. ч. *imprf.* сокращательныхъ глаголовъ—*ἐλαλοῦσαν*. Полное уничтоженіе формы въ новогреческомъ внѣ спряженія *v. contracta* опять указываетъ на мѣстное ограниченіе упомянутыхъ формъ. Съ этимъ совпадаетъ то обстоятельство, что —*σαν* въ желат., по крайней мѣрѣ для Бэотіи, соответствуетъ окончанію—*σαν* въ вышеупомянутыхъ формахъ.

9. Новогреческіе аористы на *κ* въ нѣкоторыхъ греческихъ діалектахъ. Позднѣйшій *κοινή* смѣшиваетъ *perf.* съ аор.: *εἶδον καὶ ἠξίωκα* на папирусѣ II-го в. до Р. Хр. Аористы *ἔδωκα*, *ἔθηκα*, *ἄφηκα* вліяютъ тутъ несомнѣнно. *ἔδωσα засвидѣтельствована до II в. по Р. Хр. (Dieterich 220). Вѣроятно, такія двойныя формы, какъ *ἔδωκα* и *ἔδωσα*, вліяли на отношеніе *ἠξίωσα*: *ἠξίωκα*.

Въ заключеніе этой главы Thumb высказываетъ пожеланіе, чтобы греческое правительство озаботилось изданіемъ діалектологическихъ матеріаловъ, по крайней мѣрѣ собранныхъ до сихъ поръ и разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, и такимъ образомъ положило основу къ будущему Sprachatlas, вродѣ того, какой готовится для Румыніи.

6-ая глава. Происхождение и сущность *κοινής*. Thumb опредѣляетъ здѣсь, прежде всего, элементы аттическаго нарѣчія въ составѣ *κοινής*, по даннымъ вульгарнаго аттическаго нарѣчія (въ надписяхъ на вазахъ), S. 207. Таковы: 1) развитіе гласнаго между двумя согласными: *τουραμάρχης* вм. *τουρμάρχης*, срав. новогреч. *γουρούνι*, какъ въ аттич. *Ἐρεμῆς*, *Τεράπων*, 2) измѣненіе *ει* въ *ε*: *πλέον*, *Καρνέου*, ср. аттич. *ὕγεια* и т. д. 3) *θροφός*, *θρέφω* срв. новогреч. *χοχλάμι* (= *κοχλάμιον*), какъ аттич. *χόλχος* = *κόλχος*. 4) *γίνομαι*, какъ аттич. *Ἀριά(ν)η* изъ *Ἀριάγνη*. 5) диссимиліція слоговъ: *δέσκαλος*, *προσωπίεα* или визант. *Χαλκονδύλης*, какъ аттич. *Γλαυκλέης* вм. *Γλαυκοκλέης*. 6) *ἀνάβα*, *κατάβα* въ *κοινή* и въ новогреч., какъ *ἀνάβα* на аттич. вазахъ. 7) *ιδέ*, *λαβέ*, новогреч. *ιδέ(ς)*, *ειπέ(ς)*.

Рядомъ съ аттическимъ существенная роль въ составѣ *κοινής* принадлежитъ іоническому нарѣчію. Его вліяніе обнаруживается въ выборѣ словъ. Изъ словъ *κοινής*, показанныхъ у аттицистовъ, значительная часть отыскивается у Гомера, Гекатея, Геродота и Гиппократя. На Геродота ссылаются для такихъ словъ иногда и сами аттицисты, см. S. 209 fg. Такъ и въ списокѣ словъ Пятикнижія у Anz'a, *Subsidia ad cognoscendum Graecorum sermonem vulgarem e Pentateuchi versione alex. repetita*. (Diss. Halens. XII. 1894 г.) находимъ слова: *αἰρετίζω*, *διαφάσκω*, *ἐπιδιαρῶ*, *ζυμῶ* (новогреч. *ζυμώνω*), *καθυστερῶ*, *ὕψω*. Далѣе, въ папирусахъ и въ Новомъ Заветѣ находимъ нѣкоторыя изъ указанныхъ выше словъ аттицистовъ. У Полибія и Иосифа Флавія вообще обнаруживается родство языка съ языкомъ *κοινής* на надписяхъ и папирусахъ. При этомъ у обоихъ авторовъ можно отмѣтить рядъ совпаденій словъ съ новогреческими: *ἀπραγέω* (понтійск. *ἀπραγιώνω*), *εὐκαιρέω* (новогреч. *εὐκαιρῶ*), *εὐχαριστέω* (новогреч. *φχαριστῶ*), *μεσολαβέω* (*μεσολαβῶ*), *ἐξοδεύω* (*ξοδεύω*), *πελεκίζω* (*πελεκῶ*—у Полибія). У Иосифа: *κωδώνιον* (*κωδούνι*), *ψωρός* (въ новогреч. много словъ той

же основы), *πίστευσις* (*πίστεψι*). Потому и у этихъ писателей встрѣчаемъ рядъ іонизмовъ, см. S. 213 (сопоставленія съ Гиппократомъ и Геродотомъ). Въ виду того, что многія изъ этихъ словъ являются также на надписяхъ и папирусахъ, Thumb рѣшительно отвергаетъ предположеніе, будто бы Полибій и Иосифъ Флавій обязаны этими словами прилежному чтенію Гипократа и Геродота.

Вторженіе іоническихъ элементовъ въ аттической запасъ языка можно прослѣдить еще очень далеко назадъ. Такъ, уже у Аристотеля (Kaibel, *Stil* и *Text d. полит.* 'Αδ. d. Aristot. 1893, p. 44) являются іонизмы: *ἀπαρτίζω*, *ἐκτιτρώσκω* и *κοπήζω*, далѣе *νοθρός* и *κόνωψ*. Впрочемъ это вліяніе іоническаго на аттической было вполне естественнымъ результатомъ литературныхъ отношеній. У Ксенофонта тоже много іонизмовъ, даже въ древней комедіи замѣчается *τὸ ἰάζειν*.

Въ образованіи словъ іоническое вліяніе обнаруживается, напр. у Полибія, въ сильномъ умноженіи образованій средняго рода на—*μα* (въ аттич. другія образованія: *ἀπόκρισις*, *ἐγκλισις*, *νότος*, іонич. *ἀπόκριμα*, *νόσημα*). Преобладаніе тѣхъ же образованій въ аттической трагедіи результатъ того же вліянія.

Отсюда Thumb переходитъ (S. 217) къ вопросу о вліяніи на *κοινήν* поэтическаго языка классической поры. Въ библейскомъ греческомъ, въ папирусахъ и другихъ текстахъ *κοινής* (напр., *ἐρηγν.* *Vaticana* въ *Comm. philol. Ienens.* V), наконецъ въ новогреческомъ народномъ языкѣ вліяніе этого поэтическаго языка проявляется самымъ яснымъ образомъ, см. списокъ у Thumb'a S. 217 — 219, гдѣ звѣздочками отмѣчены слова, встрѣчающіяся въ греческой трагедіи; и опять здѣсь многое происходитъ изъ іоническаго нарѣчія. Нельзя думать, чтобы переводчики Ветхаго Завѣта или авторы Новаго, или наконецъ лица, составлявшія счеты и инвентари и дѣлавшія другія записи, касающіяся повседневнаго быта, стали съ намѣреніемъ выискивать слова изъ области поэтическаго языка. Но это явленіе проникновенія въ ходячій языкъ поэтическихъ словъ обнаруживается и въ другихъ случаяхъ. Thumb, вслѣдъ за Рёзерфордомъ, (*ἀκτή*, *ζωστήρ* — названія мѣстностей, слѣдовательно, слова народнаго языка; но въ литературной прозѣ они не употребляются), полагаетъ, что проза отвергла нѣкоторыя слова народнаго языка, оставшіяся только въ поэзи. Іоническіе элементы были еще въ разговорномъ аттическомъ языкѣ и отсюда они проникли въ трагедію, и въ *κοινήν*, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя слова. Таблица вліянія на языкъ библейскій запаса словъ классической поры представлена у Kennedy, срв. Thumb, S. 222. Впрочемъ происхожденіе многихъ новыхъ словъ остается невыясненнымъ. О немногихъ элементахъ другихъ нарѣчій, кромѣ іоническаго, въ *κοινή*, см. S. 224.

Thumb, затѣмъ, касается значенія своихъ выводовъ о составѣ *κοινής* для ниспроверженія ложныхъ мнѣній о пользованіи однихъ авторовъ еллинистической поры другими, какъ напр., Иосифа Флавія Лукою. См. Мах

Krenkel, Iosephus und Lucas. Der schriftstellerische Einfluss des jüdischen Geschichtschreibers auf den christlichen. Lpg. 1894. Th. Vogel, Zur Charakteristik d. Lukas nach Sprache и Stil. 2 Aufl. 1899. Также то обстоятельство, что Лука употребляетъ рядъ медицинскихъ выражений, которыя встрѣчаются у Гиппократата и другихъ врачей, не доказываетъ изученія имъ медицинскихъ сочиненій, но, самое большее, знаніе обычной медицинской терминологіи. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій, какъ *ἔχειν ἐν γαστρῷ* (новогреч. *ἐγγαστρώνομα*), *ἔγκυος* (тоже новогреч.), *στεῖρα* или *βελόνη* (игла хирурга, вм. *ράφίς*, новогреч. *βελόνι*), тоже принадлежатъ къ общимъ элементамъ разговорной рѣчи. Далѣе, тѣ отзвуки изъ Еврипида, которые недавно думалъ найти въ Дѣянiяхъ Апостольскихъ Нестле (Philol. LIX 1900),—слишкомъ общаго характера, чтобы доказывать что-нибудь болѣе, какъ только то, что нѣкоторые элементы еврипидова языка и фразеологіи и таковыя же Дѣянiи Апостольскихъ сводятся къ одному и тому же источнику—народной рѣчи. То же касается отношенія запаса словъ Новаго Завѣта къ языку 70-ти. Thumb высказываетъ здѣсь пожеланіе (S. 226) для греческаго языка выработки такого же свода, каковъ будетъ *Thesaurus linguae latinae*, предпринятый въ послѣднее время.

Разбирая теорію бэотійскаго происхожденія итаизма Кречмера, Thumb замѣчаетъ, что, если въ Египтѣ раньше всего *e* превращается въ *i*, то трудно думать, чтобы бэотійское влияніе, не передавшееся на Атику, могло сказаться въ Египтѣ. По мнѣнію Thumb'a, отдѣльныя явленія или изъ различныхъ центровъ (срв. объ *o* раньше, S. 139 и S. 193 fgg.), такъ между прочимъ и измѣненное произношеніе согласныхъ. Всѣ эти явленія стоятъ внѣ связи съ древними діалектами, такъ какъ и по мѣсту не согласуются съ такимъ предположеніемъ. Еще сомнительнѣе кажется Thumb'у производить различныя новыя формы системы флексіи изъ отдѣльныхъ діалектовъ, напр., вмѣстѣ съ Кречмеромъ, употребленіе именительнаго множ. на *-ες* вмѣсто винительнаго (въ Египтѣ уже во II в. до Р. Хр.) считать за явленіе сѣверогреческаго происхожденія, или новогреческое удареніе *ἀγγέλοι*, *ἐγράψαν*—за дорическое. *Κοινὴ* характеризуется явнымъ стремленіемъ къ упрощенію и уравнию, отсюда и *ἀγώνοις* срв. *θηλείοις*, *πάντοις*, *ἀλεκτόροι* на папирусахъ, и *ἀρχόντοι* вм. *ἄρχοντες*.

Отмѣчаемъ далѣе объясненіе происхожденія системы склоненія новогреч. *nomina agentis* (ремесла, но также тѣлесныя свойства, вродѣ *κεφαλαῖς*, *χειλᾶς*) masc.—*ᾶς*, *ᾶ*, femín.—*οῦς*, *οῦ*, plur.—*ᾶδες*,—*οῦδες* въ связи съ іоническими *Βιτᾶς*, *Βιτᾶδος* и т. п.; на папирусахъ родит. пад. — *ᾶ*. Единственное число сохраняетъ въ новогреческомъ равносложность, какъ въ *κοινῆ* (на папирусахъ), а во множественномъ беретъ верхъ система іоническаго склоненія и послѣдняя во множ. распространяется не только на слова заимствованныя: *ἀγᾶς*, *παπουτίζῆς*, *βεζύρης*, но и на греческія образованія: *βασιλιάς*, *καρaboύρις*, *ῥάφτης*, *κερά* и т. д.

Первые зародыши дерева, поднимающагося во весь свой могучій

ростъ въ III-емъ в., можно прослѣдить еще въ V-мъ в. до Р. Хр., въ эпоху расцвѣта морского аѳинскаго союза. Аттическое населеніе, послѣ побѣды при Микале, вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ іонянами. Аѳины развиваются внутри обширнаго союза въ значительный торговый пунктъ. Помѣщеніе аттическихъ гарнизоновъ въ союзныхъ городахъ, высылка аттическихъ колоній (напр., въ Евбею, Наксосъ, Андросъ, даже въ Синопу и Амисъ) имѣли послѣдствіемъ насыщеніе іонической области аттическими народными элементами. Въ результатъ, съ одной стороны, аттические писатели примѣшиваютъ къ своему діалекту іоническіе элементы. Ксенофонтъ пишетъ смягченнымъ аттическимъ діалектомъ (*Ὀσμῆ μὴ λέγειν διὰ τοῦ σ· διὰ γὰρ τοῦ δ, ὀδμή, Ἴωνων· παρανομεῖ γοῦν Ξενοφῶν εἰς τὴν πατριὸν διάλεκτον ὀδμή λέγων*, говоритъ аттицистъ Фринихъ. «Языкъ Ксенофонта — предвосхищеніе *κοινῆς*» замѣчаетъ къ этому Рёзерфордъ, *The new Phrynichus* p. 160). Съ другой стороны, если Гекатей писалъ на *ἄκρατος, οὐ μεμυγμένη Ἰάς*, то у Геродота уже *ποικίλη Ἰάς*, и, конечно, въ элементахъ этого *Ἰάς* играетъ роль тотъ культурный кругъ, который могъ ему дать матеріалъ панеллинскаго языка, аттической (*Zarncke, Griech. Literatursprache* 1890. Smyth, Ionic). Аттическое вліяніе проявляется уже съ V в. въ іоническихъ надписяхъ (въ договорѣ царя Аминты Макед. съ халкидянами—м. 389 и 383 гг.—*μῖξ* рядомъ съ *φιλίην* и друг. іоническими формами, *Sylloge Dittenberger's I* nr. 60).

Малая сила сопротивленія іоническаго нарѣчія не говоритъ за то, чтобы оно стало основой новой формы языка. Однако то, на что Іоняне обмѣняли свой діалектъ, не было аттическое нарѣчіе, но «смягченное» аттическое, т. е. *κοινῆ*: они продолжали употреблять свое *σσ*, а не аттическое *ττ*, свое *ρσ*, а не аттическое *ρρ*, и первое время оставались довольно самостоятельными и въ запасѣ словъ. Въ этомъ состояніи языкъ можно бы назвать, съ Wilamowitz'емъ (*Ztschr. f. d. Gymn. Wesen* 1884), «перечеканеннымъ аттическимъ». Мы видѣли уже не разъ, что и аттическое племя пошло на встрѣчу іонянамъ. Если государственные документы и договоры даютъ мало свидѣтельствъ для этого, то надо имѣть въ виду заботливое редактированье текстовъ. Тѣмъ замѣчательнѣе, что въ договорѣ съ Наксосомъ (начало IV-го в.) въ клятвахъ, которыя имъ должны были принести иноплеменики, и въ клятвѣ, которую они сами въ 336 г. принесли Александру В. аѳиняне не допустили строгаго аттическаго діалекта, но до нѣкоторой степени формы *κοινῆς* (*σσ* вм. *ττ*, Meisterhans, *Gramm. d. att. Inscr.* p. 77 Anm. 728. 728 a). Также въ аттическихъ документахъ внѣ Атики (которыя еще не использованы со стороны языка) обнаруживается, что побѣдоносное аттическое нарѣчіе въ известной мѣрѣ шло на встрѣчу другимъ діалектамъ: въ то время какъ въ самой Атикѣ, напр., форма *κοινῆς*—*νός* вм. *νός* появляется лишь съ 250-го г. до Р. Хр., делосская надпись аѳинскаго происхожденія уже во 2-ой половинѣ IV-го в. содержитъ форму *νχοποιοί* (*Bull. de corr. hell.* VIII 324).

Понятно, что процессъ койнонизаціи въ самой Атикѣ совершается медленно.

Время до Александра В. служитъ въ нѣкоторомъ родѣ подготовкой $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}\varsigma$: на аттической основѣ возникла форма языка, въ которой строго іоническія характерныя черты (какъ, неслитныя формы и іонич. η) появляются только скорѣе случайно, или аттическія и іоническія фонетическія явленія, какъ $\tau\tau$ и $\sigma\sigma$, $\rho\rho$ и $\rho\sigma$, находились въ такъ сказать напряженномъ состояніи, но въ остальномъ аттическая система звуковъ ($\tilde{\alpha}$ и контракція), также аттическая флексія оставались правиломъ.

Съ отрѣшеніемъ этой формы языка отъ ея іоническо-аттической родины начинается развитіе $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}\varsigma$ въ собственномъ смыслѣ слова. Торговья поселенія греческихъ купцовъ, напр. аттическихъ купцовъ въ финикійскомъ Акко, существовавшее еще во времена Демосоена (Schürer, Gesch. d. jüd. Volkes II³ 111), являются уже носителями такого развитія. Въ большихъ размѣрахъ оно совершилось благодаря міровой политикѣ Александра В. Греческая культура стала міровой культурой: она служила македонскому царю въ его основаніи обширнаго царства важнымъ связующимъ средствомъ и дала этому новому многоплеменному царству *неотъемлемое преимущество въ единомъ языкѣ*. Таковымъ естественно оказался аттическій, бывший разговорнымъ языкомъ въ области эгейскаго моря. Этотъ языкъ македонскихъ царей и еллинизированныхъ македонцевъ, конечно, нельзя приравнивать къ чисто аттической его формѣ у Демосоена. Вѣнокъ греческихъ городовъ, опоясывавшій побережье Македоніи, былъ посредникомъ для этого аттическаго, прошедшаго сквозь горнило іоническаго діалекта, который можетъ уже быть охарактеризованъ, какъ нѣкоторый видъ $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}\varsigma$. Такъ напр., въ 2-хъ письмахъ царя Антигона къ жителямъ Теоса, 304 или 303 г. до Р. X. (Dittenberger, Sylloge nr. 126) мы находимъ формы $\tau\epsilon\sigma\sigma\alpha\rho\sigma\iota\nu$ и $\tau\epsilon\sigma\sigma\epsilon\rho\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\alpha$, $\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$, $\chi\epsilon\rho\sigma\acute{\omicron}\nu\eta\sigma\omicron\nu$ и $\chi\rho\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha$ (неоднократно, при $\chi\rho\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha$ въ одномъ случаѣ), слѣдовательно, вполне характеристическіе типы $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}\varsigma$, которые или вполне чужды аттическому, или проникли въ него изъ $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}\varsigma$ позднѣе ($\chi\rho\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha$ въ Атикѣ впервые со II-го в. до Р. Xр., см. Meisterhans p. 139): они носятъ отпечатокъ іонически окрашеннаго аттическаго языка.

Такимъ образомъ языкъ, который Александръ Великій несъ въ Персидское царство и въ Египетъ, былъ уже $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}$ *διάλεκτος*. Его войско, въ которомъ были и македонцы и еллины, пользовалось (рядомъ съ македонскимъ) и греческимъ языкомъ и послѣдній не могъ быть чѣмъ инымъ, какъ $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}$ (срв. и Hatzidakis, Zur Abstammung d. Makedonier, Athen 1897. Прежнія воззрѣнія о «македонскомъ» происхожденіи $\kappa\omicron\iota\nu\tilde{\eta}\varsigma$ теперь сами собою получаютъ отвѣтъ себѣ). Преобладаніе іоническихъ и аттическихъ элементовъ въ войскѣ Птолемеевъ и въ городахъ (Kuhn, Ueber d. Entsteh. d. Städte d. Alten, 1878, S. 364, Mitteis, o. c.—въ Антигоніи—македоняне и аоняне, въ Антиохіи смѣшанное населеніе, но все же съ преобладаніемъ іоническо-аттическаго элемента; въ Египтѣ іоническая

колонія Навкратисъ) несомнѣнно. Евреи, которыхъ въ Египтѣ, по Филону, было миллионъ, какъ языкомъ дѣловымъ, пользовались аттическо-іоническимъ *κοινῆ*.

Такъ создалась та тучная почва, на которой могъ роскошно разрастаться *κοινῆ διάλεκτος*; и какъ быстро самые разнообразныя круги объединялись на почвѣ общаго языка, это показываютъ, напр., документы колоніи ветерановъ Арсиной, гдѣ мы встрѣчаемъ отдѣльныя черты *κοινῆς* (родство съ языкомъ 70-ти указалъ Mahaffy, *On the Flinders Petri Papyri* I 44 f., смотри также *ibid.* II 18), а не смѣшеніе различныхъ диалектовъ и діалектизмовъ.

Здѣсь попутно Thumb опровергаетъ выводъ Швейцера (*Gramm. d. Perg. Inschr.* p. 24) о роли въ языкѣ александрійскаго греческаго населенія дорическаго элемента на основаніи «Адоніазусъ» Теоокрита:

*πελοποννησιαστὶ λαλεῖμεν.
δωρίσθεν δ' ἔξεστι δοκῶ τοῖς Δωριέεσσι.*

Это—частность, не затрагивающая распространеннаго въ Александріи *κοινῆ*. Женщины при томъ какъ бы извиняются за употребленіе своего доморощеннаго нарѣчія. Большая надпись Анданіи въ Мессеніи 96 г. до Р. Хр. (значить, въ самомъ очагѣ дорич. діал.) и то обнаруживаетъ уступки дорическаго діалекта еллинистическому языку.

Мы видѣли, что въ *κοινῆ* оставались нѣкоторыя іоническія формы рядомъ съ аттическими, срв. особ. *ττ* и *σσ*, *ρρ* и *ρσ*, неслитныя гласныя въ *χάλκεος*, *ὄστρεόν* и т. под., также въ отдѣльныхъ случаяхъ *η* вм. *α*. Въ новогреческомъ наступило уравненіе, причемъ *σσ* взяло верхъ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ остатковъ, *ρρ* и *ρσ* раздѣлились по разнымъ словамъ, между тѣмъ какъ *η* вм. *α* уступило мѣсто послѣднему, неслитныя формы исчезли.

Скорѣе всего надо предполагать, что въ *κοινῆ* іоническія и аттическія формы боролись за господство. Уравненіе между ними, т. е. побѣда той или другой формы, совершалось внѣ области аттическо-іоническаго языка, слѣдовательно въ новыхъ странахъ, впервые приобрѣтенныхъ еллинизмомъ: тамъ, гдѣ съ іоническо-аттическими поселенцами жили и представители другихъ греческихъ племенъ, равновѣсіе между аттическими и іоническими элементами *κοινῆς* могло измѣниться въ пользу одного или другого. Сравнивая настоящее состояніе, какъ конечный продуктъ старой борьбы, съ состояніемъ въ древности, можно выставить слѣдующія положенія относительно нѣкоторыхъ характерныхъ фонетическихъ явленій. Побѣду давало: 1) Согласіе іоническаго и аттическаго—надъ прочими діалектами. 2) Согласіе формы аттической съ прочими неіоническими діалектами—надъ іоническимъ. 3) Согласіе проникшей въ *κοινῆν* іонической формы слова съ формой прочихъ діалектовъ—надъ аттической. 4) Гдѣ діалекты, кромѣ іоническаго и аттическаго, сходились то съ тѣмъ, то съ другимъ, тамъ равновѣсіе сохраня-

лось (новогреч. θαρρῶ, но ἀρσενικός). 5) Компромиссъ между аттическимъ и іоническимъ *при различіи ихъ формъ* (μελός, σιχλός), или, при такомъ различіи,—на этотъ разъ Thumb допускаетъ это,—перевѣсъ дорической формы (Παυσανία при Παυσανίου att., Παυσανίω іон.; ναός въ κοινή при νεός att. νηός іон., S. 242 fg.).

Разбирая мнѣніе Dieterich'a объ особой роли въ особенностяхъ, впервые являющихся въ κοινή, Египта и Малой Азіи, Thumb замѣчаетъ, что, если имѣть въ виду не число примѣровъ, а число отдѣльныхъ явленій языка, то въ первый періодъ κοινής (до Р. Хр.) Греція недалеко отстаетъ отъ Египта и Малой Азіи и въ вокализмѣ, и въ консонантизмѣ, и во флексіи; во второй періодъ (четыре первые вѣка нашей эры) Греція далеко отстаетъ отъ Египта и Малой Азіи и Египетъ всѣхъ болѣе впереди.

И это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе. Многіе зародыши языковыхъ новообразованій возникли еще на греческой родинѣ, но нѣ въ одномъ мѣстѣ, а тамъ и сямъ. Эти нововведенія на своей родинѣ распространялись только постепенно, но въ Египтѣ и въ Малой Азіи они сошлись при сліяніи пришлыхъ греческихъ элементовъ и стали прочнымъ достояніемъ κοινής. Если Малая Азія осталась сравнительно съ Египтомъ позади, здѣсь, можетъ быть, надо принять во вниманіе то обстоятельство, что эта область получала импульсы къ языковымъ измѣненіямъ преимущественно съ одной стороны, съ іонической; въ Египтѣ же перекрещивалось болѣе лучей новой жизни языка. — А какъ скоро въ еллинизированныхъ областяхъ совершилось сліяніе всѣхъ притекшихъ сюда нововведеній въ языкѣ, то онъ сталъ развиваться безпрепятственно и потому быстрѣе, чѣмъ на родинѣ, и мы наблюдаемъ потому во второй періодъ κοινής гораздо сильнѣйшую модернизацию языка, чѣмъ на родинѣ. На родинѣ старые діалекты составляли сильный тормазъ. Консервативная сила, какой обладаетъ деревня надъ городомъ, отпадаетъ въ городской культурѣ еллинизированнаго Востока. Греція осталась позади въ теченіе того періода, какой потребовался для преодоленія старыхъ діалектовъ. Совѣстливость языка, которая защищала его на родинѣ противъ чуждаго элемента, погасла въ широкомъ просторѣ міра торговыхъ и другихъ сношеній и не отклоняла болѣе нововведеній. Напр., образование по аналогіи οί вм. οί въ Египтѣ наступаетъ уже въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Греція насадила сѣмена, еллинистическія страны быстрѣе довели растеніе до цвѣтенія и зрѣлости. Этотъ результатъ изслѣдованія Dieterich'a остается несомнѣннымъ. Послѣ того и родина подверглась обратному воздѣйствію. Историческихъ данныхъ для такого широкаго сношенія Востока съ Западомъ, греческой родиной, мы имѣемъ достаточно (S. 247); іудеи опять тутъ играли широкую роль. Тому же распространенію еллинизма на родинѣ и гибели древнихъ діалектовъ содѣйствовала страшная убыль туземнаго населенія въ Греціи.

Въ періодъ κοινής явились слѣдующія черты, характерныя для ново-

греческаго: 1) итацизмъ, 2) новогреческій способъ слиянія гласныхъ (αο въ α, αη въ α), 3) измѣненіе ντ, μτ, γτ въ *nd, mb, ng*, 4) χτ въ χτ, πτ въ φτ, 5) σχ (σθ) въ σх (στ), 6) исчезновеніе носоваго передъ спирантомъ, 7) измѣненіе λ въ ρ передъ согласнымъ, 8) смѣшеніе 1-го и 3-го склоненій, 9) развитіе парадигмы *ἄς*, 10) исчезновеніе дательнаго пад., 11) медиальное спряженіе *v. substant.*, 12) устраненіе глаг. на -μι, 13) урваненіе окончаній *impf.* и сильныхъ, а также сигматическихъ аористовъ, 14) начинающееся разложеніе основъ *praesentis* подъ вліяніемъ основъ аориста, 15) потеря желательнаго.

Мы считали полезнымъ въ этомъ журналѣ дать подробное изложеніе книги Thumb'a въ виду того огромнаго значенія, которое имѣетъ научная постановка вопроса о *κοινή* для византійской литературы, въ особенности въ дѣлѣ изданія новыхъ памятниковъ греческаго языка византійской эпохи, въ частности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ вульгарный, разговорный языкъ сохраняется болѣе нетронутымъ литературными вліяніями.

С. Шестаковъ.

Karl Krumbacher (a. o. Professor an der Universität München). *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende der oströmischen Reichs* (527—1453). Zweite Auflage bearbeitet unter Mitwirkung von **A. Ehrhard** (o. ö. Professor an der Universität Würzburg), **H. Gelzer** (o. ö. Professor an der Universität Jena). München, C. H. Beck. 1897. XX + 1193 стр. 8°.

Κ. Κρούμβραχερ. *Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας μεταφρασθεῖσα ὑπὸ Γεωργίου Σωτηριάδου.* Τόμος Α'. γ' + 828 σελ. Τόμος Β'. 770 σελ. Τόμος Γ'. 832 σελ. Ἐν Ἀθήναις, Κ. Μπέκ. 1897—1901. 8°. (Βιβλιοθήκη Μαρσαλῆ. Τεύχη 11, 37, 42, 75, 107, 108, 109, 114, 115, 120, 121, 143, 144).

Чтобы показать, какое огромное научное значеніе имѣло *первое*, вышедшее въ 1891 году изданіе книги, второе изданіе и греческій переводъ которой лежатъ теперь передъ нами, достаточно, мы думаемъ, привести слѣдующій мелкій, но характерный фактъ. Зимой 1889 г. въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Одессы одинъ начинающій византинистъ, занимавшійся до тѣхъ поръ исторіей западной и отчасти русской литературы и прочитавшій въ послѣдніе два-три года, въ обществѣ съ двумя византинистами, уже опытыми и извѣстными (однимъ историкомъ и однимъ археологомъ), нѣсколько памятниковъ византійской историографіи, а на свой, такъ сказать, страхъ — Метафраста и еще кое что по византійской литературѣ. Въ Обществѣ Любителей древнерусской Письменности онъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ: «Откуда взять матеріалы для исторіи византійской литературы?» и потомъ напечаталъ его въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія (въ майской книжкѣ). Все содержаніе этой небольшой статьи составляли приведенныя въ систему и болѣе или